

С.Д. Арсеньева

**Царствующий Дом
Романовых**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Д. Арсеньева**
Царствующий Дом Романовых / С.Д. Арсеньева – М.: Книга по Требованию,
2015. – 204 с.

ISBN 978-5-517-83390-7

Царствующий Дом Романовых. Выпуск 1, С.Д. Арсенево. С портретом
Государыни императрицы Марии Феодоровны ее августешего старшего сына,
и с 17-ю рисунками в тексте.

ISBN 978-5-517-83390-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

Прямые и кривые послы московскіе подъ Смоленскомъ.

12 сентября 1610 г.—13 апрѣля 1611 г.

УРОВИИ октябрь стоялъ надъ русскою землею въ 1610 г. И холодно, и сыро. Вѣтеръ воетъ надъ Днѣпромъ, а московское именитое посольство, лучшіе люди бѣдной нашей родины должны стоять въ раскинутыхъ наскоро шатрахъ, чуть не утопая въ болотѣ подъ Смоленскомъ. Они ведутъ тяжелые переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ о судьбахъ своего обездоленнаго отечества. Сиротѣтъ московскій, царскій столъ. Смута ходитъ по всей широкой, далекой, обѣднѣлой и разграбленной родной землѣ. Польскія и казацкія шайки рѣжутъ, бьютъ, обижаютъ, въ полонъ берутъ все, что попадаетъ подъ руку. Въ московскомъ кремлѣ стоятъ ляхскіе полки. Въ древнемъ великомъ Новгородѣ хозяйничаютъ Шведы. О законномъ прирожденномъ царѣ и помину нѣтъ. Изсякъ древній родъ Владиміра, Ярослава. Моно-

маха. Лежать славныя поколѣнія подъ сводами святыхъ церквей. Некому кликнуть кличь, созвать выборныхъ отъ всего народа русскаго, чтобы рѣшить, кого избрать на опустѣлый престолъ. Бѣдный, обездоленный людъ жметя около своего духовнаго вождя, святѣйшаго владыки патріарха Гермогена. Молится онъ за несчастную страну, отстаиваетъ ея права; но и онъ не знаетъ, на комъ остановить свой выборъ. И ему приходится, хоть и противъ воли, согласиться съ доводами князя Мстиславскаго, главара тогдашней семибоярщины, и отправить пословъ для призыва на царство королевича Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда.

Торжественно звонятъ колокола всѣхъ церквей бѣлокаменной Москвы 11 сентября 1610 г. Патріархъ съ духовенствомъ служитъ въ Успенскомъ соборѣ напутственный молебенъ. Растерянный, напуганный кровавыми испытаніями народъ тѣснится подъ священными сводами, кладя истово земные поклоны и молясь о спасеніи отъ безначалія. По правую руку патріарха стоитъ въ святительскомъ облаченіи, величавый Ростовскій митрополитъ. Красивыѣ, умныя глаза его вдохновенно подняты къ чудотворному образу Божіей Матери. Горячо молить онъ о помощи Заступницу всѣхъ скорбящихъ и угнетенныхъ. Блестящій сынъ именитаго рода бояръ Романовыхъ, онъ, вмѣстѣ съ супругою, былъ насильно постриженъ, по волѣ царя Годунова. Возведенный потомъ въ митрополиты, Филаретъ Никитичъ съ честью несъ свой высокій, чинческій санъ,—неустанно радѣлъ о благѣ ввѣренной ему паствы. Онъ и теперь, полный вѣры въ безграничное милосердіе Божіе, шелъ на многотрудный подвигъ.

Благословляя пословъ, святитель, Гермогенъ, строго предупреждалъ ихъ не дѣлать никакихъ уступокъ противъ статей подписаннаго имъ договора съ польскими королями. Сигизмундомъ, особенно въ вопро-сахъ вѣры. (Къ стр. 3).

Благословляя пословъ, святитель Гермогенъ строго предупреждалъ ихъ не дѣлать никакихъ уступокъ противъ статей подписаннаго имъ договора, особенно въ вопросѣ вѣры. «Просите, чтобы король Сигизмундъ далъ намъ сына своего Владислава въ цари, съ вѣрою принимающаго святое крещеніе и всѣ обряды нашей православной Церкви. Молите польское величество призрѣть на наше прошеніе, чтобы этимъ самымъ онъ Богу не погрѣшилъ, да и насъ, богомольцевъ своихъ, и неисчетный народъ нашъ не оскорбилъ. Вы же сами, послы именитые, если не помышляете нарушить православную вѣру, да пребудетъ надъ вами благословеніе Божіе, а иначе, да ляжетъ на васъ проклятіе четырехъ патріарховъ и нашего смиренія, и примете вы месть отъ Бога, наравнѣ съ еретиками и богоотступниками». Почтительно склонили послы свои умныя головы предъ маститымъ радѣтелемъ Русской церкви. Слова патріарха, какъ Божій завѣтъ, слагали въ своихъ честныхъ сердцахъ митрополитъ Филаретъ, князь В. В. Голицынъ, окольничій князь Д. Н. Мезецкій, думный дворянинъ В. Б. Сукинъ, думные дьяки—Томило Луговской и Сыдавный-Васильевъ. Съ ними шло многочисленное посольство отъ земскаго собора, духовенства, приказные и дворцовые люди, всего до 400 человекъ. Вся Москва во всѣхъ церквахъ молилась за своихъ пословъ. Они же, озабоченные, съ горькими думами, держали путь къ Смоленску, гдѣ воевода Шейнъ отчаянно отбивался отъ осаждавшихъ его польскихъ полковъ, предводимыхъ самимъ Сигизмундомъ. Посламъ отвели, для ихъ шатровъ, мѣста на пустынномъ берегу Днѣпра, вдали отъ королевскаго стана.

«Ну, не радушень же пріемъ ляхскаго величества», говорилъ, ежасъ въ мѣховомъ кафтанѣ, князь Мецецкій, сидя въ своемъ барскомъ шатрѣ.—«Могъ бы позаботиться о лучшемъ помѣщеніи для насъ, добротовъ своего сына. Мы несемъ ему московскій вѣнецъ, а онъ даже не позаботился о нашемъ продовольствіи». Такъ разсуждали послы и рѣшились попробовать переговорить съ поляками о своихъ нуждахъ.—«Король здѣсь на войнѣ, и самъ терпитъ нужду!»—былъ гордый отвѣтъ.—«Вольно же ему стоять», говорили опять послы, «знаетъ же онъ, что Шеинъ не сдастся до послѣдней крайности!»—«Да, трудъ великій возложила родина на рамена сыновъ своихъ, приказавъ беречь Смоленскъ отъ супостатовъ» заговорилъ Голицынъ.—«Надо бы намъ, владыко, извѣстить друга Шеина о нашемъ прибытіи и нашихъ намѣреніяхъ. Да сказать, что святѣйшій патріархъ благословляетъ его на неустанную борьбу».—«Вѣстимо, княже, надо бы оповѣстить, да такъ, чтобы грамота дошла и чтобы ее не перехватилъ гетманъ Сапѣга».—«У меня есть надежный, смѣтливый конохъ, умреть, а не измѣнить ни родинѣ, ни намъ, ея слугамъ».—«Ну и ладно, справь его поскорѣе; я же изготовлю грамотку».—Такъ говорилъ самъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, Ростовскій митрополитъ, глава пословъ отъ православнаго русскаго духовенства, мудрый, степенный, строгой жизни, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ патріарха, единственный тогда надежный оплотъ государства. Душа въ душу жилъ съ нимъ именитый бояринъ, посоль князь В. В. Голицынъ и всѣ честные, умные, богобоязливые русскіе люди, довѣренные московскаго государства. Въ грамотѣ послы заклинали своего доблест-

наго друга Шенна крѣпко держаться въ Смоленскихъ стѣнахъ, терпѣть безъ конца всѣ бѣдствія осады, лишь бы своей сдачей не развязать рукъ Сигизмунду и тѣмъ не облегчить ему походъ на Москву, прежде чѣмъ они уговорятся объ условіяхъ призванія его сына на царскій престолъ.

12 октября польскій король принималъ пословъ, окруженный панами, знатной шляхтой, иноземными рыцарями, любопытно глазѣвшими на русскихъ людей, приносившихъ въ даръ королевичу чужой земли, еще подростку, старинный вѣнецъ своихъ православныхъ царей—отцовъ.—Сдержаны, величавы были московскіе бояре. Безвыходное горе привело ихъ къ чужому правителю. Добра желали они любимой родинѣ. Степенна, дѣловита была ихъ рѣчь: «нѣтъ среди насъ сильнаго царскаго отпрыска, не можемъ справиться ни съ казаками, ни съ твоими полками. Пусть твой сынъ, воцарившись у насъ, уймешь казакъ, воровъ, сольетъ подъ своимъ державнымъ вѣнцомъ всѣ земли, что раззоряютъ и свои крамольники и твои ратные люди, и водворится во всей нашей Руси пространной, плодородной покой и благочестіе. Пусть королевичъ приметъ нашу греческую, православную, непорочную, издревле святую вѣру отъ митрополита Филарета и Смоленскаго епископа, пусть ѣдетъ въ Москву, уже православный, и тѣмъ отвратитъ соблазнъ, нетерпимый и въ Польшѣ, гдѣ государи должны быть всегда одной вѣры съ народомъ». Именемъ Россіи били послы челомъ о Владиславѣ. Гордъ былъ Сигизмундъ и его канцлеръ, гетманъ Сапѣга; отъ имени короля, своего господина, онъ держалъ посламъ такой отвѣтъ: «всебѣчный Богъ боговъ назначилъ степени для монарховъ и поддан-

ныхъ. Кто дерзаетъ возноситься выше своего званія, того онъ казнить и низвергаетъ: казнилъ Годунова и низвергнулъ Шуйскаго—вѣнценосцевъ, рожденныхъ слугами.—Вы узнаете по времени волю его королевскаго величества».

Съ тяжелой думой возвращались послы въ свой станъ. «Не бывать добру отъ нашего посольства», говорилъ мудрый Филаретъ: «слишкомъ хитро ведутъ дѣло ляхи».—«И какъ это сразу не понять, что нельзя царю быть иновѣрнымъ?» волновался Луговской. «Вѣдь, и править-то иновѣрцами не способно». Снявъ свои нарядныя шубы, друзья принялись за скудную трапезу, отпускавшуюся имъ по приказу ясновельможнаго пана гетмана. Митрополитъ упорно молчалъ. Суровый инокъ, строгій монахъ, онъ былъ равнодушенъ къ лишениямъ; но пылкій князь Василій не вытерпѣлъ, рѣзко выругалъ непривѣтное гостеприимство поляковъ. «Можетъ и это входить въ расчеты ихъ умныхъ головъ», замѣтилъ Межецкій, «голодомъ-то принудить уступить».—«Ну, нѣтъ, слуга покорный», волновался Голицынъ.—«Не серчай на малое, княже любезный», остановилъ его отечески властно Филаретъ Никитичъ: «не то важно, что голодать приходится, размысли хорошенько, не таится ли другая мысль въ видимомъ упорствѣ королевскихъ совѣтниковъ?» Всѣ прислушались къ вѣщимъ словамъ. Что-то еще невѣдомое, но жуткое точно пронеслось подъ сѣнью низкаго шатра. Заунывный вои вѣтра сковывалъ всѣ сердца. «Миѣ чуется», продолжалъ святитель, «что не королевича, не отрока Владислава хотять на Москвѣ вѣпчать шапкой Мономаха. Къ ней протягивается другая,—мощная рука. Другая власть хочетъ полонить насъ».—«Да не будетъ», за-